

видимой руки», в действии которой существуют обязательные элементы случайности [1, 209–210].

Итак, для своей победы бизнесу необходим был разрыв непрерывности, флуктуационный скачок в западном мышлении, приведший к возникновению протестантизма. Следовательно, экзистенциальный смысл именно этого хода зарождения капиталистической системы хозяйствования состоит в том, что в данном случае причинно-следственная связь исторических событий носила обратный характер. Считается, что причина должна предшествовать следствию, но в социальных системах может быть и обратное явление. Флуктуационное возникновение бизнеса на Западе являлось следствием того, что со временем социалистические идеи победили в различных странах. Следствие не просто предшествовало причине, оно как бы упреждало причину и появлялось во многом как единственное средство борьбы с причиной – социализмом. Кроме собственного смысла, капитализм в акте своего возникновения обрел соотносительный экзистенциально-телеологический смысл как единственная, реальная альтернатива социализму. Возникновение бизнеса на Западе как массового социального феномена имеет экзистенциально-телеологический смысл [1, 209-210].

Список литературы:

1. Орлов, В.И. Экзистенциально-нравственный смысл предпринимательской деятельности / В.И. Орлов // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». – 2004. – Т. 3. – С. 201–217.
2. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1056 с.
3. Шафаревич, И. Р. Две дороги – к одному обрыву / И. Р. Шафаревич. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 448 с.
4. Шафаревич, И.Р. Есть ли у России будущее?: публицистика / И.Р. Шафаревич. – М.: Советский писатель, 1991. – 560 с.
5. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Пименов В.Ю.

«ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ» ШКОЛЫ «АННАЛОВ» В ИЗУЧЕНИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: Великая французская революция, Старый порядок, ментальность, Школа «Анналов», историография.

Современная историческая наука все чаще и охотнее обращается к проблемам духовной культуры в целом и ментальности в частности. Это даже стало определенной модой, породившей при этом целый ряд интересных новаторских исследований, значительно обогативших как арсенал методов исторического исследования, так и, в результате, наши представления о прошлом и особенно о людях прошлого.

Значительную роль в укреплении интереса историков к этой проблематике сыграли представители и адепты небезызвестной «Школы «Анналов», отстаивавших принципы целостного восприятия исторического прошлого, выдвинувших идею тотальной истории и тем самым существенно расширивших источниковедческую и методологическую базу исторического исследования. Историки этого направления впервые обратили внимание на менталитет как на фактор исторического процесса. С тех пор «история ментальностей» стала важнейшей отраслью исторического знания во всем мире.

Значительное место среди исторических исследований, принадлежащих перу последователей Школы, занимают работы по истории Великой французской революции, значительно пересматривающие классическую концепцию. Именно поэтому эти работы выделяют в целое направление, получившее эпитет «ревизионистское». Выводы, к которым пришли «ревизионисты» (Фюре, Рише, Шоссинан-Ногарэ, Ле Руа Ладюри и др.), сводятся к следующему: Великая французская революция не была революцией буржуазной, антидворянской, призванной уничтожить пережитки феодализма, так как, во-первых, этих пережитков уже не было (например, сеньория давно стала капиталистической), а во-вторых, никаких серьезных противоречий между дворянством и буржуазией не было. Более того, эти два сословия приравниваются друг к другу, образуя полноценную элиту, обладающую общей культурой, ведущую схожий образ жизни и имеющую, наконец, единую ментальность. Кроме того, историками «ревизионистами» отрицается сам факт революции: события 1789-1793 гг. рассматриваются лишь как продолжение череды крестьянских восстаний и взрывов антиабсолютистской оппозиционности, имевших место в период Фронды и после нее. Наконец, Старый порядок признается ими вполне жизнеспособным и склонным к добровольной модернизации.

Естественно, данные выводы вызвали волну споров и острой критики. Возможно, эта критика имеет основания при традиционном подходе к историческому прошлому в плоскости социально-экономического анализа. Поэтому так важно подойти к Великой французской революции, как, впрочем, и к любому другому историческому факту, с позиций истории ментальности, которая имеет определенно более непосредственное отношение к живому человеку, творящему Историю. Интересно проанализировать ментальности различных слоев французского общества накануне Революции, сопоставить их и определить степень их революционности или контрреволюционности и на основании этого верифицировать сам исторический факт революции.

На основании изучения исторических документов (мемуарной и художественной литературы, в частности) очевидно, что дворянская ментальность уже в XVII в. была пронизана интуитивным ощущением близящегося краха сложившегося и ставшего привычным миропорядка. Показателем этого является острое желание уйти от мрачной реальности, забыть-

ся либо в утонченном разврате, либо в иллюзорном дурмане мистики. Действительно, подсознательное, а возможно в некоторых случаях и вполне осознаваемое, ощущение неотвратимо приближающегося конца порождает адекватную психологическую реакцию: стремление успеть прожить, вкусив все прелести жизни. Отсюда невиданная роскошь и великолепия дворянского образа жизни, гедонистическая философия, ярким представителем которой был А. де Сад, мотовство и прожигание жизни. Буквально все (в том числе отношение к труду, деторождению, старости) характеризует дворянскую ментальность как глубоко кризисную, остро ощущающую дряхлость и беспомощность Старого порядка. В этих условиях вполне закономерно оживают первобытные страхи и, как следствие, стремление избавиться от них. Именно поэтому так процветают (не только при королевском дворе, но и в провинции) магия, колдовство, псевдоцелительство, столоверчение, а сотни Калиостро и Месмеров колесят по Франции, опустошая кошельки впечатлительной знати.

Одновременно наблюдаются значительные изменения в системе традиционных дворянских ценностей: терпит крах «расистская теория» исключительности дворянского сословия, дворянство начинает осознавать себя частью нации наравне с третьим сословием, увлекается идеями Просвещения. Но по-прежнему узкокорпоративные интересы незыблемы и первостепенны, поэтому попытки Тюрго и Неккера их незначительно ущемить вызывают единоголосный протест. Между тем многие действительно осознают необходимость модернизации Старого порядка, с чем связан т.н. фельянский этап Революции. Но когда Революция уходит за рамки приемлемого, даже либеральное дворянство становится контрреволюционным.

Особенности буржуазной ментальности XVIII века обусловлены спецификой французской буржуазии в целом. На всем протяжении истории ее становления заметно ее подчиненное положение по отношению к государству, несамостоятельность и безынициативность. Поэтому классические принципы раннебуржуазной этики не были свойственны всей французской буржуазии. Наоборот, здесь обычным делом были мотовство, погоня за титулами и должностями. Между тем буржуазия четко понимала тяжесть своего положения и была носителем собственных экономических и политических интересов. Однако ввиду своей слабости она не смогла единолично заявить о своих требованиях и искала поддержку как со стороны дворянства, так и со стороны простонародья. Именно поэтому буржуазные интересы и требования приобрели во Франции столь ярко выраженный общечеловеческий характер, что нашло воплощение в философии и идеологии Просвещения. В целом требования буржуазии сводились к отстаиванию экономической свободы и не предусматривали особых претензий на политическую власть. Большинство просветителей не были радикальными революционерами и уповали на мирную модернизацию Старого порядка. Именно это объясняет тот факт, что первоначально революция

носила модернизационный характер и значительная роль в ней принадлежала передовому дворянству.

Ментальность низов французского общества отличает бунтовщический, оппозиционный характер. В ней переплетались и бессознательные первобытные страхи, порожденные невыносимыми условиями жизни, и чисто рациональные аспекты сознания. Поэтому сводить ментальность низов к разгулу подсознательных страхов неправильно. Акты насилия, демарши деструктивности во время бунтов объяснимы с точки зрения известной теории «карнавальской культуры».

Обращаясь к рациональным аспектам народного сознания следует отметить, что значительное место в нем занимали принципы «моральной экономики» («справедливая цена» и др.), фольклорного права и консерватизм (все народные движения были направлены против новшеств, нарушающих привычный уклад жизни).

Поэтому проблема участия широких масс крестьянского населения Франции в событиях Революции неоднозначна. Приняв Революцию как еще одну возможность выразить свой протест, низы (прежде всего крестьяне) резко воспротивились первым итогам Революции, перевернувшими традиционный уклад жизни. Принципы либерализма (свобода торговли и предпринимательства, разделение властей и т.п.) были глубоко чужды консервативному народному сознанию. В этом причина беспрецедентно острой гражданской войны, развернувшейся во Франции (Вандея). В этом причина всех последующих политических катаклизмов, которые с небывалой частотой переживала Франция, поочередно меняя монархию на республику и наоборот. Понадобилось полтора столетия, чтобы изменить традиционную народную ментальность в соответствии с требованиями современной цивилизации и исторического процесса.

Таким образом, подход к событиям 1789-1793 гг. с позиций «истории ментальностей» позволяет сделать поистине революционные открытия, убедительно аргументирующие позицию историков-«ревизионистов». Во французском обществе не было единства, в нем четко можно выделить два лагеря, но не лагерь дворянства и духовенства и лагерь «третьего сословия», как это традиционно принято в историографии Революции, а скорее лагерь дворянства и буржуазии с одной стороны и лагерь народных низов - с другой. Это в значительной степени опровергает традиционный взгляд на события 1789-1793 гг. как на Революцию. Определенное единство ментальности дворянства и буржуазии позволяет говорить скорее о добровольной модернизации Старого порядка в рамках требований времени, нежели о глубинном перевороте, идущем снизу.

Как видим, ментальность – важный показатель состояния общества, перспектив его развития. Без ее учета невозможен как правильный анализ, так и описание исторического прошлого.